

МРНТИ 03.20

DOI: <https://doi.org/10.62724/202540104>

Нуржанов Сабит Узакбаевич^{*1}

Доктор исторических наук, профессор, Каракалпакское отделение Академии наук Республики Узбекистан, Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук, Нукус, Узбекистан, sanur69@mail.ru,
ORCID ID: 0000-0003-1669-7511

«МАЛЫЙ ОКТЯБРЬ» Ф. ГОЛОЩЕКИНА В КАРАКАЛПАКСТАНЕ

Аннотация. Статья посвящена изучению вопросов политического и экономического обустройства в Казахстане на примере Каракалпакской автономной области, входившей в его состав в 1925-1930 годы. На основе материалов архивов Казахстана и Каракалпакстана прослеживается ход процесса трансформации сельского хозяйства и землепользования в низовьях Амударьи. Анализ событий осуществляется на основе принципов историзма и объективности, при котором исторические события рассматриваются в их взаимосвязи и динамике, с учётом конкретно-исторических условий. В статье указывается, что процесс осуществления советской властью земельно-водных реформ в Каракалпакстане в середине 1920-х годов имел перманентный характер, который был нарушен политикой Ф.Голощекина по форсированию событий в этой сфере. Во второй половине 1920-х годов в области земельно-водная реформа стала сопровождаться репрессивными мерами в отношении крупных и середняцких землевладельцев, вызвавшие народные выступления против советской власти. После подавления очагов сопротивления была начата массовая коллективизация крестьянских хозяйств без учета специфики региона, приведшая к миграции части населения. Политический курс «Малого Октября», основанного на **подавление местных национальных элит и усиление административного и экономического контроля центра, стал одной из причин выхода Каракалпакской автономной области из состава Казахстана.**

Ключевые слова. Земельно-водная реформа, кадровая политика, землепользование, форсирование, коллективизация, миграция.

Нуржанов Сабит Узакбаевич^{*1}

Тарих ғылымдарының докторы, профессор, Өзбекстан Республикасы Ғылым Академиясының Қарақалпақ бөлімшесі, Гуманитарлық ғылымдардың Қарақалпақ ғылыми-зерттеу институты, Нукус, Өзбекстан, sanur69@mail.ru,
ORCID ID: 0000-0003-1669-7511

ҚАРАҚАЛПАҚСТАНДАҒЫ Ф. ГОЛОЩЕКИННИҢ «КІШІ ҚАЗАНЫ»

Аңдатпа. Мақала 1925-1930 жылдары Қазақстандағы саяси және экономикалық жайластыру мәселелерін құрамына кірген Қарақалпақ автономиялық облысының мысалында зерттеуге арналған. Қазақстан мен Қарақалпақстан мұрағаттарының материалдары негізінде Амударияның төменгі ағысындағы ауыл шаруашылығы мен жер пайдалануды трансформациялау процесінің барысы байқалады. Оқиғаларды талдау нақты тарихи жағдайларды ескере отырып, тарихи оқиғалардың өзара байланысы мен динамикасында қарастырылатын тарихизм мен объективтілік принциптері негізінде жүзеге асырылады. Мақалада Кеңес өкіметінің 1920 жылдардың ортасында

Қарақалпақстанда жер-су реформаларын жүзеге асыру процесі Ф. Голощекиннің осы саладағы оқиғаларды мәжбүрлеу саясатымен бұзылған тұрақты сипатқа ие болғандығы көрсетілген. 1920 жылдардың екінші жартысында Жер-су реформасы Кеңес өкіметіне қарсы халықтық баяндамалар тудырған ірі және орта жер иелеріне қатысты репрессиялық шаралармен қатар жүре бастады. Қарсылық ошақтары басылғаннан кейін, халықтың бір бөлігінің көші-қонына алып келген аймақтың ерекшелігін ескермей, шаруа қожалықтарын жаппай ұжымдастыру басталды. Жергілікті ұлттық элиталарды басуға және орталықтың әкімшілік және экономикалық бақылауын күшейтуге негізделген «Кіші Қазан» саяси бағыты Қарақалпақ автономиялық облысының Қазақстан құрамынан шығуының себептерінің бірі болды.

Кілт сөздер. Жер-су реформасы, кадр саясаты, жерді пайдалану, мәжбүрлеу, ұжымдастыру, көші-қон.

Nurzhanov Sabit Uzakbayevich^{*1}

Doctor of historical sciences, professor, Karakalpak branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Karakalpak Research Institute of Humanities, Nukus, Uzbekistan, sanur69@mail.ru, ORCID ID: 0000-0003-1669-7511

«LITTLE CAULDRON» BY F. GOLOSHCHEKIN IN KARAKALPAKSTAN

Abstract. The article is devoted to the study of issues of political and economic development in Kazakhstan in 1925-1930 using the example of the Karakalpak Autonomous Region. Based on the materials of the archives of Kazakhstan and Karakalpakstan, the process of transformation of agriculture and land use in the lower reaches of the Amu Darya is traced. The analysis of events is carried out on the basis of the principles of historicism and objectivity, which are considered in the relationship and dynamics of historical events, taking into account specific historical circumstances. The article shows that the process of implementation of land and water reforms by the Soviet authorities in Karakalpakstan in the mid-1920s had a stable character, which was violated by the policy of F. Goloshchekin to force events in this area. In the second half of the 1920s, land and water reform began to be accompanied by repressive measures against large and medium-sized landowners, which provoked popular reports against Soviet power. After the suppression of the foci of resistance, mass collectivization of peasant farms began, not taking into account the specifics of the region, which led to the migration of part of the population. The political course "little Kazan", based on the suppression of local national elites and strengthening the administrative and economic control of the center, became one of the reasons for the withdrawal of the Karakalpak autonomous region from the composition of Kazakhstan.

Key words. Land and water reform, personnel policy, land use, coercion, collectivization, migration.

Введение. 14 октября 1924 года решение о национальном размежевании Средней Азии получило свое законодательное оформление на I сессии ВЦИК СССР, где был положительно решен вопрос образования Каракалпакской автономной области (КАО) в составе Казахской АССР. При поддержке казахских властей советско-партийные органы власти КАО стали планомерно осуществлять политико-экономические акции, наиболее важными из которых являлись усиление командно-административного аппарата и подготовка к земельно-водной реформе.

С приходом во главу партийной организации Казахстана Ф. Голощекина в политической сфере начались противоречивые процессы, в силу нарождавшейся командно-административной системы и жесткой централизации управления аппаратом власти в центре. ЦК партии требует усиления регулятивных мер контроля не только в формировании административной власти на местах, но и в развитии новых функциональных звеньев в сельском хозяйстве. Ставится задача решения экономических вопросов политическими мерами. В условиях КАО основной была задача распределения байских и вакуфных земель, которое должно было происходить путем изъятия их и планомерного распределения среди бедной и батрацкой части населения. В Казахстане первым шагом явилось постановление ЦИК и СНК КазАССР от 20 мая 1926 года, которое не распространялось на землепользование в районах с интенсивным хозяйством, на поливных землях с преобладанием технических культур, куда относилась Каракалпакская автономная область. По решению Коллегии Наркомата земледелия КазАССР, в Каракалпакстане предполагалось в порядке землеустройства принять меры к ликвидации нетрудового землепользования.

Таким образом, объектом исследования выступает процесс осуществления политического курса, провозглашенного Ф.Голощекиным и его влияния на политические и социально-экономические процессы в КАО. Предметом изучения являются вопросы лишения избирательных прав некоторой части населения области, ликвидация традиционных форм землепользования, кадровой политики и форсирования коллективизации в КАО.

Актуальность изучения темы исходит из необходимости понимания процессов и необходимостью восстановления исторической справедливости, формирования активной гражданской позиции против административного засилья властных структур, направленного на подавление местных национальных элит и усиление административного и экономического контроля над жизнью области.

Материалы и методы исследования. В статье использованы архивные материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан, архива при Президенте Республики Казахстан и Центрального государственного архива Республики Каракалпакстан, также документальные сведения, газетные публикации. На основе принципов историзма и объективности при критическом анализе научной литературы, касающейся истории 1920-1930-х годов, с использованием методов сопоставительного и историко-ретроспективного анализа рассматриваются исторические события в Казахстане, связанные с претворением в жизнь политического курса «Малого Октября» Ф.Голощекина. Методологическая основа работы строится на принципах историзма и объективности с учётом конкретно-исторических условий. Использование этих методов позволяют выявить конкретно-территориальные и конкретно-временные особенности политико-экономических мер, а также социокультурный подход, дающий возможность проследить влияние политических решений на различные сферы жизни общества.

Результаты и их обсуждение. 30 августа 1926 года ВЦИК СССР принял постановление по вопросам землеустройства и землепользования (которое затем получило развитие в постановлении ВЦИК СССР от 17 декабря 1927 года), согласно которому был установлен единообразный подход при проведении землеустройства для всех категории населения на основе строго соблюдения классовых принципов [1].

Эти вопросы были обсуждены 25-30 ноября 1926 года на Объединенном пленуме Казкрайкома и Краевой контрольной комиссии ВКП(б). На пленуме шли острые споры о путях «освобождения бедноты от экономической зависимости бая». Выступая на нем, председатель СНК Казахстана Н.Нурмаков отметил, что «прошлый период нашей

работы охарактеризован как период организационного оформления края. Мы подошли к вопросам коренного переустройства Казахстана на новых началах». Поэтому «имея в руках пролетарское государство, мы обладаем достаточной силой, чтобы иными методами воздействовать на аульного бая», имея в виду более эволюционный путь, воздействуя на традиционное общество через налогообложение и кредитование отдельных хозяйств. Революционно настроенная часть чиновничьего аппарата в Казахстане во главе с Ф.Голощекиным выступила за немедленную экспроприацию байских хозяйств. Некоторые участники указывали, что в экономике аула имеются «подлинно капиталистические элементы, капиталистические формы хозяйствования». Эта позиция впоследствии и взяла верх над разумными пределами вмешательства в экономическую жизнь.

Первым этапом работ в этом направлении стало массовое лишение избирательных прав определенной части населения. В КАО «лишенцев» квалифицировали по 17 пунктам, куда вошли бывшие волостные управители, баи, офицеры, лица, состоявшие на службе царской администрации, а также круг «лишенцев» был расширен за счет частных торговцев, арендаторов, кустарных ремесленников, имеющих слугу или не менее двух учеников, представителей духовенства, таубов, бахсы, а также членов их семей, применяющие наемный труд скотоводы и дехкане, владельцы небольших промышленных предприятий, лица, представляющие аульному населению рабочий скот, инвентарь и кредит на определенных условиях. Их не допускали к хозяйственной деятельности и общественным делам.

С 1927 года лозунг «Лицом к деревне!», предполагавший реальные меры в поддержку дехканства, был заменен лозунгом «Советизации деревни и аула», то есть искусственного социального разделения общества на «своих» и «чужих». Выдвижение этой задачи стало предметом обсуждения на II-й Каракалпакской областной партийной конференции (17-22 февраля 1927 г.). Хотя главное внимание конференция уделила вопросу укрепления низовой партийной организации, «подготовке твердых устойчивых партийных кадров в ауле и кишлаке». Но это было вызвано необходимостью «организовать, экономически поставить на ноги и сплотить вокруг партии бедноту, противопоставить бедноту возрастающей активности баев, ишанов и духовенства» [2]. Решение кадрового вопроса обуславливал весь ход землеустройства, кредитования и кооперирования населения, изъятия вакуфных, ханских и байских земель и распределения их среди дехканских масс.

13-15 марта 1927 г. состоялся II съезд советов КАО, который констатировал общий подъем сельского хозяйства. В области, где насчитывались 42016 хозяйств, за короткий период были организованы 26 промыслов, из которых 2 – были арендованы государственными организациями, 1 – кооперативной артелью, остальные принадлежали частным собственникам. Были организованы ярмарки в Кунграде, Шаббазе и г. Турткуле. Естественно, были сложности: например, делегаты отмечали несоблюдение севооборота, примитивность орудий труда, недостаток оборотных средств у дехкан, необеспеченность рабочим скотом, а также «отсутствие коллективной обработки земли, консервативные взгляды дехкан к усовершенствованным орудиям труда и неполная ликвидация земель нетрудового пользования». Отмечали также отсталость и разнообразие хозяйственных форм, наличие подворно-наследственного землепользования, культурная отсталость масс и недостаточность специалистов по сельскому хозяйству. Поэтому заведующий Организационным отделом обкома Таджибаев считал, что главным условием (развития сельского хозяйства. – С.Н.) является землеустройство, правильная постановка дела кредитования и кооперирования населения, то есть чисто экономические меры развития сельского хозяйства.

После съезда был образован Совет сельскохозяйственной кооперации во главе с К.Авезовым и А.Кудабаевым, который на первых порах занимался уточнением форм и методов кооперирования местного населения, разработкой вопросов о формах кооперирования кустарных ремесленников. Одновременно местные партийно-советские функционеры разрабатывали планы осуществления земельно-водной реформы в КАО, которую намеревались закончить весной 1929 года. Этот вопрос обсуждался на июльском пленуме Исполнительного комитета КАО (1927 г.), хотя многие понимали, что форсирование процессов преждевременно. На Пленуме отмечалось, что землеустройство в области не производится и идет только подготовительная работа. Например, в конце мая 1927 года на основе докладной записки Каракалпакского областного земельного управления Исполком КАО принял постановление о проведении учета и изъятия байско-вакуфных земель. 20 сентября 1927 года Исполком создает только окружные комиссии, которым было поручено составить списки и выявление бывших баев, ишанов, вакуфные земли в пределах КАО.

Согласно предварительных расчетов, в КАО земельно-водную реформу планировалось осуществить в 1928/1929 году. Однако Президиум КазЦИК 24 сентября 1927 года рассмотрел вопрос о землепользовании в Южном Казахстане и постановил начать осуществление в КАО земельно-водной реформы уже с осени 1927 года. Она должна была начинаться с ликвидации земельного засилья байства и духовенства в ауле и вместе с тем ограничить возможность накопления и роста байских хозяйств.

С середины 1927 года Казкрайком вновь активно стал вмешиваться в вопросы формирования партийно-советского аппарата в области: тогда в КАО из Казкрайкома были направлены 68 человек [3], среди которых был и П.Варламов, являвшийся заместителем заведующего агитационно-пропагандистского отдела Казкрайкома РКП(б). Именно с его именем связаны коренные изменения в политико-экономическом климате КАО.

На III-й партконференции П.Варламов по рекомендации Бюро Казкрайкома партии был избран ответственным секретарем партийной организации КАО. Это назначение было навязано каракалпакской партийной организации, как указывалось, «учитывая его идейную закалку». На самом деле в КАО должен был быть доверенный человек, чтобы беспрекословно выполнял установки центра, лишенный любых связей с местным населением, традиционным бытом и образом мышления. На данной конференции деятельность областной парторганизации была подвергнута резкой критике, особенно в области национальных отношений. Состав Каракалпакского обкома был обновлен на 65%, были введены новые члены из числа местного актива (С.Туреев, Т.Сейтниязов, А.Ирманов, И.Утемурастов, Дж.Джумамурастов и др.), увеличилось число работников, направленных из центра (П.Варламов, А.Рудэн, С.Герман, А.Бухлаев, А.Бурлова, Кульдейбеков и др.).

Была обозначена основная задача партийного и хозяйственного аппарата - подготовка и проведение земельно-водной реформы. «В отличие от землеустройства, - подчеркивал У.Джандосов, - земельная реформа является испытанным средством и методом внесения классовой борьбы в национальную деревню, открывает борьбу крестьян против всех и всяких эксплуататоров», что фактически означало новую революцию в землепользовании в аулах.

П.Варламов имел большую поддержку центра. После назначения он первым делом приступил к оценке положения и учета соотношения «классовых» сил в области. Заработала следственно-карательная система аппарата советской власти – Рабоче-Крестьянская инспекция и Контрольная комиссия при обкоме партии. В первую очередь необходимо было сформировать местный низовой партийно-советский аппарат

управления. В период выборов Советов 1927 года «состоялась» первая репетиция перед коренным переустройством механизмов системы власти КАО. В область были командированы председатель Казцентризбиркома Аралбаев и инструктор КазЦИКП Арбузов. В ходе избирательной кампании процент лишенных избирательных прав с 0,9% в 1925/1926 году повысился до 3% в 1927 году. В некоторых городах, например в Чимбае, 26% избирателей были лишены прав. В целом по области «лишенцев» набралось 5920 человек - это почти 2% населения области [4].

Проверка личного состава областных аппаратов, который был осуществлен в 22 учреждениях КАО, показало, что 20% от общего количества служащих областного аппарата КАО являются «контрреволюционно-чуждым по духу, преступным и непригодным элементом». Так, по решению Бюро обкома и Президиума Исполкома области, в конце 1927 года подверглись репрессиям ряд ответственных лиц Чимбайского, Ходжейлийского и Кунградского округов. Например, в Чимбайском округе местная часть окружного аппарата «за использование служебного положения, за извращение классово-линейной, за связь с байским элементом» были исключены из партии, в том числе председатель окружного исполкома И.Нуруллаев, народный судья Н.Адулов, председатель ширекета (Союза кооперации) М.Курбаниязов, помощник прокурора Б.Ахмедов, секретарь окружного исполкома А.Ташенов.

Обследование Кунградского округа показало, что здесь ситуация была еще более сложной: группировки, межнациональные трения, склоки были распространены в аппарате власти, «решали дела по-семейному, выгораживая виновных, смягчая налоговые тяжести на баев и крупных торговцев». С такими обвинениями из партии были исключены А.Сапаров (заведующий окрОНО) и К.Сейтаниязов (заведующий окрземуправления), а дела некоторых руководителей (председателя окрисполкома Д.Курбанаева, секретаря окружного комитета партии Дж.Токмамбетова, фининспектора Лебедева) были направлены в областную Контрольную комиссию при обкоме партии для срочного разбирательства.

Резкой критике была подвергнута работа Союза «Кошчи». К основным недостаткам было отнесено наличие в его составе середняков (52,3%) и отсутствие бедняцко-батрацкого ядра. Поэтому задачей организации стали пересмотр руководящего состава, очищение от «примазавшихся» элементов, вовлечение батрацко-бедняцких масс, изучение середняка и вообще регулирование роста членства с сохранением твердого бедняцкого ядра». После чистки Союза «Кошчи» из 5142 его членов остались 4131 [5].

Другим направлением работы партийцев стало увеличение посевов хлопка, что было вызвано экономической политикой властей на периферии, к которым относились как сырьевая база. Наиболее точно выразился Ф.Голощекин: «Мне кажется, - говорил он, - что по характеру нашего развития и в соответствии с общими задачами СССР и нашими местными особенностями и задачами КАССР должна войти в общую пятилетку как сырьевая база» [6]. Населению выделялись льготные кредиты на расширение посевов хлопка. В 1926/1927 году под хлопком было занято 22453 десятины (по другим данным – 20793), что составляло около 45% всей посевной площади. Для сопоставления укажем, что в 1913 году посевы хлопка составляли 9251 десятин. Осенью 1927 года было собрано 27,4 тыс. тонн хлопка, в то же время в КАО было завезено всего 2080 тонн хлеба на 300-тысячное население области. На VI Всеказахском съезде Советов К.Садуллаев констатировал, что в 1927 году «вывоз сырья из Каракалпакии составляет 7500 тыс. рублей, а промтоваров ввезено всего на 4500 тыс. рублей [7].

Началось изъятие хлебных излишков у населения КАО, приведшего впоследствии к серьезным деформациям в отношениях власти с дехканством. Особенно угрожающим

был 1928/1929 год. Вследствие сокращения ввоза хлеба в КАО, многие хозяйства больше посевной площади отводили пшенице и джугаре. Например, в Чимбайском районе 27 зажиточных хозяйств аула №3 сократили посевную площадь с 466 танапов до 420, из них 178 танапов отвели пшенице и джугаре. Такое положение было присуще и другим районам. Перед партийными органами и Исполкомом КАО ставилась задача «внедрения хлопка как основной культуры за счет вытеснения площади, занятой под зерновыми культурами».

В ходе хлебозаготовок меры принуждения и насилия приобрели широкие масштабы. Так, заведующий информационным отделом обкома А.Гурушкин указывал, что больше всего перегибов было допущено по отношению к середняку и бедняку, которые носили массовый характер. Большую активность проявили батраки-люмпены, являвшимися самыми яркими проводниками задач партии и советской власти в аулах и кишлаках. «На практике, - утверждается в документах, - батрак явился основным проводником наших задач, причем изолировал бедноту и середняк, подменил партячейки и аулсоветы» [8]. В народе батраков-люмпенов называли «бийұатан», т.е. безродный. Они использовали типичные методы времен продразвёрстки, когда насильственно отнимали все у дехкана, несмотря на его социальное и материальное положение. Применяя штрафы, угрозы конфискацией имущества, арестами ГПУ и т.п., батраки-«бельсенди» обходили дворы, делали обыски и требовали с каждого двора весь хлеб в общественный амбар. Они не только ходили с обысками к середнякам и беднякам, но и забирали у них последние запасы пшеницы. Многократны были случаи, когда в поисках хлеба «заготовители» наезжали в скотоводческие аулы и выколачивали хлеб из хозяйства, имевших малые, чисто потребительские посевы. Так, дехканин аула № 6 Чимбайского района собрал со своего участка около 220 кг зерна и имел семью из 5 человек. Под угрозой суда ему предписали сдать государству 108 кг пшеницы, которые он вынужден был купить на базаре и сдать по государственной цене во время хлебозаготовок. В ауле №13 Чимбайского района батраки ворвались во двор дехканина и потребовали от него сдать государству 100 пудов пшеницы. Испугавшись угроз, дехканин вынужден был скрыться [9].

Чем больше было усиление принуждения и других мер со стороны батраков-«бельсенди» по отношению к дехканству, тем упорнее становилось его сопротивление. Напряженность приобретала политическую окраску и нарастали так называемые «террористические акты», жертвами которых становились активисты из партийно-советского аппарата, батраки-«бельсенди».

В то же время в кулуарах власти продолжались споры о методах и сроках осуществления земельно-водной реформы в КАО. Теперь же земельно-водная реформа предусматривала повышение уровня производительности сельского хозяйства через объединение индивидуальных дехканских хозяйств в крупное хозяйство на базе государственной собственности на землю и средства производства, объединение материальных средств, внедрение механизации. Среди специалистов, которые непосредственно занимались вопросами землеустройства осуществление этой кампании встретило сопротивление. Например, вр.и.о. заведующего областного земельного управления Яковлев утверждал, что «успешность проведения земельно-водной реформы будет обеспечено тогда, когда будет своевременно сделана соответствующая подготовка и наличие специалистов, без которых данная работа немыслима», когда как таковых в области катастрофически не хватало.

Постановка вопроса объединения дехканских хозяйств в коллективные (или т.н. шерикеты - кооперацию частных дехканских хозяйств) в таких условиях вообще была преждевременной. Агроном-кооператор Глебов информировал, что «в настоящее время

по области нет ни одного колхоза и развитие колхозной сети, как-то земледельческих артелей и коммун – в специфических условиях КАО чрезвычайно затруднительно». Это, по мнению автора, объясняется «следствием естественноисторических и производственных условий участково-подворной чересполосной формой в землепользовании», которая препятствует групповому расселению, и «линии коллективизации при естественных, бытовых условиях и современной техники в данный отрезок времени пока невозможно» [10]. Это направление дискуссий в аппарате власти называли «теорией невозможности строительства крупных коллективных хозяйств в Каракалпакии». Впоследствии сторонники этой линии были обвинены в неверии в колхозное строительство, планируемого советской властью и соответственно линии партии и правительства [11].

Несмотря на это подготовительные работы по проведению земельно-водной реформы были продолжены. В первую очередь были начаты работы землеустроительного характера сверху. Кризисное положение в сельском хозяйстве и усиливавшееся сопротивление дехканства объяснялась «классовой враждебностью» зажиточных слоев общества. 27 августа 1928 года ЦИК и СНК КазАССР приняли совместное постановление о конфискации и выселении баев-«полуфеодалов», которые «сохраняя полуфеодалские, патриархальные и родовые отношения, своим имуществом и общественным влиянием препятствуют советизации аула» [12]. Это постановление не распространялось на КАО, однако последствия были неожиданны: везде начались массовые убои скота, распродажа земель. Например, группа специалистов Наркомзема Казахстана, приехавший в 1928 году в область с целью статистико-экономического обследования КАО, зафиксировало множество случаев распродажи скота и земельных участков не только крупными зажиточными слоями, но середняками и бедняками. Даже Исполком КАО вынужден был принять «Обращение трудящимся и дехканству», где утверждается, что «баи и ишаны, пользуясь темнотой бедняцкого и середняцкого дехканства продают последним частями земельные участки», и предупреждает всех участников подобных сделок к законной ответственности, «так как земля является собственностью государства и предметом частного оборота быть не может» [13].

Через две недели после принятия постановления от 27 августа, т.е. 13 сентября 1928 года ЦИК и СНК КазАССР принял уже Закон «Об уголовной ответственности за противодействие конфискации и выселению крупнейшего и полуфеодалного байства», а 17 октября – «Об уголовной ответственности за противодействие конфискации и выселению полуфеодалного крупнейшего байства» [14]. Согласно этим нормативным актам, дехканские хозяйства делились на три категории: в первую входили т.н. зажиточные хозяйства (баи и представители духовенства); во вторую – т.н. середняки, имевшие свой земельный надел, рабочий скот; в третью категорию составили хозяйства, имевшие хоть какое-либо имущество.

Директивное принуждение к выполнению планов и установок советской власти привели к массовому убою скота, в том числе рабочего. Сформированная заново на «классовых принципах» местная власть совместно с аульными активистами выявляли имущества у дехканских хозяйств, активно использовались методы административного нажима и подлога - приписки объектов обложения, большое применение штрафов к зажиточным хозяйствам, необоснованное лишение избирательных прав. Зажиточные слои всеми силами старались вывести себя из высшей категорий хозяйств, которые подвергались сильнейшему государственному нажиму. Зажиточные хозяйства быстро обнищали, особенно в северных районах: только в Чимбайском районе из 27 зажиточных хозяйств в начале 1929 года - 7, по Кегейлийскому району – 4, по Тахтакупырскому – 3 превратились в бедные. В кампании по сельскохозяйственному учету 1928/1929 года в

Тахтакупыре оказались приписанными 1047 голов скота, что повышал общий объем налогов по району. Из 21 человек, лишенных избирательных прав, четверо оказались середняками, 9 бедняками. В списках «лишенцев» по Чимбайскому району оказалось 79 человек, как бывшие жандармы и полицейские. Сократилось поголовье скота: по данным облплана осенью 1928 года в КАО насчитывалось 248 тыс. голов, а в конце 1929 года Статбюро Исполкома насчитало 181 тыс. голов, оно значительно сократилось в 1930 году, что подтверждают и опубликованные материалы [15].

Ответственный работник обкома Ракипов свидетельствует, что в этот период ликвидация кулачества-баев не обошла и торговцев: «все продавалось, пряталось, зарывалось в землю...». «В свою очередь гор. Турткуль «ликвидировал» кулака, торговца и бывших владельцев заводов и им подобных. И в заключение город лишен был товарообращения с деревней, плюс кооперативные организации не имели достаточно необходимых товаров для снабжения дехкан» [16].

Таким образом, органы власти и управления области, основываясь на директивы и установки центра, постепенно переходили к форсированию темпов проведения мероприятия в землеустройстве, так и при подготовке к земельно-водной реформе. Форсированию предшествовали коренные изменения в общественной и политической жизни, основанные на классовом принципе переустройства аула и кишлака, без учета экономической экосистемы общества. Уже в ходе подготовки к земельно-водной реформе были выявлены противоречия. По сведениям И.Алкина, уже тогда население аула и кишлака было уже нищим, наблюдалась высокая товарность сельского хозяйства, отсутствие у дехкан средств производства, которые вели мелкое раздробленное производство. В то же время государство не оказывало какой-либо помощи [17].

Несмотря на сохранившуюся подворно-участковую форму использования пахотных угодий, также на то, что господствующей формой труда являлся не общественный, а индивидуальный труд, государство предпринимало попытки к объединению хозяйств в сельхозкооперации, ТОЗы и СОЗы, но не могли в должной степени обеспечить их средствами производства и с другой стороны притесняли зажиточные слои населения, обеспечивавших дехкан, пусть и на кабальных условиях, сельхозинвентарем, семенным материалом, рабочим скотом. Все это привело к разорению огромной массы дехканства, уже к 1928 году волюнтаризм государства вынудил некоторых частей населения уходить в города или менять источники доходов и форм деятельности. «На известном этапе, - писали К.Авезов и П.Варламов, оправдывая такой процесс, - происходит частичная и небольшая пролетаризация группы бедноты и середнячества и выделение небольшой группы кулачества» [18].

Этот период характеризуется усилением внимания к сельскому хозяйству как основному производителю сырья, что вынуждало государство в корне изменить всю систему отношений в ауле и кишлаке, принимать регулятивные меры, основанные на силовом методе. Его данность в сельском хозяйстве возымела глубоко противоречивые последствия. Государство, на основе принципов классовой борьбы, через усиление командно-административных форм управления в КАО, приступило к активному ограничению, а затем и полной ликвидации индивидуальных хозяйств, втягивая их в рамки коллективных и кооперативных хозяйств «социалистического типа»,

Уже в 1927–1928 гг. местные органы советской власти предпринимали активные шаги по изучению положения в сфере кооперирования индивидуальных хозяйств беднейшего крестьянства. Первые опыты по созданию хозяйственных объединений показали, что дехкане вступали в шерикеты без особого энтузиазма. В тех случаях, когда подобные объединения все же возникали, руководящие позиции в них, как правило, занимали представители зажиточных слоев населения, что было закономерным в

условиях традиционной социальной структуры. Исторически баи и торговцы выступали организаторами аульной жизни и обладали значительным влиянием в рамках родоплеменных связей, обеспечивая своих сородичей сельскохозяйственным инвентарем, рабочим скотом и семенным материалом. Существенную роль играло и духовенство, располагавшее вакуфными землями. Так, например, Каракум ишан сдавал в аренду 1147 танапов земли 116 хозяйствам [19]. Все это способствовало сохранению влияния традиционной социальной элиты на основную массу населения.

Переход к практическому кооперированию дехканских хозяйств начался весной 1928 года, когда с большими трудностями стали создаваться первые колхозы. По состоянию на 1 октября того же года в области насчитывалось 13 объединений дехканских хозяйств, организованных в форме сельскохозяйственных артелей и ТОЗов. Эти коллективы были малочисленными и объединяли, как правило, от 6 до 12 хозяйств с общей численностью 28–50 человек. В аулах и кишлаках им выделялись наименее плодородные либо вовсе необработанные земли. Основу таких объединений составляли бедняцкие и батрацкие хозяйства; середняки занимали выжидательно-нейтральную позицию, тогда как зажиточные слои относились к инициативе властей с пренебрежением, а нередко и с открытой враждебностью.

Работа по организации колхозов носила несистемный характер, что исключало возможность говорить об их хозяйственной рентабельности. По сути, это была скорее политическая кампания, чем мера, продиктованная экономической целесообразностью. В связи с этим, начиная с середины 1928 года, усилились тенденции жесткого государственного регулирования сельского хозяйства. Активно велся поиск экономических механизмов воздействия на крестьянство, включая середняцкие хозяйства. В данном процессе все большее значение приобретал классовый подход, и в первую очередь была проведена ревизия управленческого аппарата на всех уровнях властной иерархии области.

В ноябре 1928 года состоялся I съезд колхозов Казахстана, на котором было отмечено «недостаточное внимание к вопросам колхозного строительства со стороны кооперативных организаций и земельных органов», а также подчеркнуты «незначительные размеры колхозов, не позволяющие реализовать преимущества крупного хозяйства и обеспечить должный экономический эффект». В этой связи съезд признал необходимым «взять решительный курс на развитие крупного колхозного строительства».

В декабре 1928 года на заседании Казкрайкома был рассмотрен доклад обкома партии КАО. В своем выступлении П. Варламов заявил о наличии благоприятных условий для более последовательной реализации задач, поставленных XV съездом ВКП(б) и VI Всеказахской конференцией, а также о создании предпосылок для проведения земельно-водной реформы. В соответствии с намеченным планом в КАО предполагалось организовать четыре крупных колхоза, а уже существующим 13 коллективным хозяйствам выделить в общей сложности 1950 га земли [20]. Ф. Голощекин настаивал на необходимости решительной борьбы с социально-экономическими основами байско-ишанского влияния в ауле. На III съезде Советов КАО (февраль–март 1929 г.) обком партии охарактеризовал коллективизацию дехканских хозяйств как «культурный очаг реконструкции сельского хозяйства и механизацию как фактор повышения его товарности» и поставил задачу укрупнения действующих колхозов.

На VII Всеказахском съезде Советов (апрель 1929 г.) Ф. Голощекин вновь подчеркнул необходимость ускорения темпов индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, роста его товарности, а также укрупнения аграрного сектора путем

создания крупных государственных совхозов и объединения мелких и мельчайших дехканских хозяйств в более масштабные коллективные формы хозяйствования [21].

Однако в условиях КАО реализация поставленных задач сталкивалась с серьезными трудностями. По мере того как центр все настойчивее требовал форсирования коллективизационных процессов, часть представителей местного управленческого аппарата указывала на необходимость учета региональной специфики. Различие подходов к дальнейшему развитию коллективизации в области привело к острым дискуссиям внутри властных структур и, в конечном итоге, к их внутреннему размежеванию.

Так, на IV областной партийной конференции Т. Низаметдинов выступил с предложением не принимать середняцкие хозяйства даже в качестве членов Союза «Кошчи». Вместе с тем в регионе существовали и сторонники так называемого «правого уклона». Примечательно, что в каракалпакской советско-партийной среде «правый уклон» в неофициальном общении обозначался как «кол бер» (буквально — «протяни руку»), тогда как «левый уклон» называли «баса бер» (буквально — «нажимай»).

Большая часть актива выступила против форсирования событий. Д.Курбанаев, один из активных участников становления каракалпакской государственности, выступал за умеренные темпы, за что его обвинили в «правом уклоне», при этом припомнили ему то, что при царской власти служил жандармом в полиции. У.Бежимбетов, Ф.Маткаримов и некоторые другие, поддержавшие его, также были обвинены в «правом уклоне», в связях с баями и «садвокасовщиной».

На объединённом заседании обкома и Президиума Исполкома КАО, состоявшемся 14 марта 1929 года, была принята резолюция, в которой подчёркивалось, что «попытки правых уклонистов использовать существующие трудности для пересмотра современной политики нашей партии должны встретить решительный отпор со стороны партии с применением, при необходимости, не только мер идеологического воздействия, но и организационного характера». Следствием этого стало появление в партийно-административной документации первых упоминаний о «делах» ответственных работников, осуждённых за связь с байством (судебные дела Дж. Токмамбетова, Ишимбетова, Бабаниязова и др.).

В частности, У. Бежимбетову, обвинённому в «мягком отношении» к зажиточным слоям населения (баям и ишанам), был навешан ярлык «правого уклониста» с объявлением строгого выговора с предупреждением и запретом на допуск к советско-хозяйственной работе сроком на два года. Одновременно административно-уголовной ответственности были подвергнуты Г. Абдуллаев (бывший сотрудник АПО — Орготдела райкома партии Тахтакупырского района), И. Жылкыбаев (начальник Кипчакской милиции), Ю. Матъякубов (председатель Сарыбийского сельскохозяйственного товарищества) [22]. Материалы по ряду дел были переданы в следственные органы.

11 августа 1929 года Казкрайком потребовал решительно ускорить темпы колхозного строительства, жёстко ограничить влияние зажиточных слоёв и поручил Каракалпакскому обкому разработать конкретные практические меры по усилению коллективизации в хлопководческих районах. Уже 13 августа 1929 года Казкрайком направил директиву о «чистке колхозов от кулаков и баев», предписывая «более смело и настойчиво разворачивать дальнейший рост колхозного движения» и не допускать в колхозы лиц, лишённых избирательных прав [23].

Усиление административного нажима, реальная угроза разрушения вековых основ традиционных общественных отношений, а также обнищание значительной части населения способствовали росту оппозиционных настроений по отношению к

существующей власти. В результате среди наиболее активной части населения начали формироваться так называемые «контрреволюционные группы». Подобные вооруженные группы действовали в Ходжейлийском и Кунградском районах, частью в правобережье. Одна из таких групп была установлена областным отделом ОГПУ в середине 1929 года в Шаббазском районе, куда были вовлечены и все недовольные новой властью середняцкие и бедняцкие хозяйства. Она состояла из нескольких маленьких групп, сосредоточенных в Календархане и Бийбазаре и возглавляемых Курбаниязом Халниязовым, Машарипом Мамутовым, Рахманом Ареповым, Утепмаксым Нурумбетовым. В середине 1929 года вместе с ними были арестованы Фазыл Ахметов, Ибраим Нурманов из Бийбазара, Кутум Култемиров, Уразымбетхажы Баккалов из Саркопа, Нияз Файзуллин из Шаббаза. Было заведено уголовное дело и по ним проходили 124 человек, в основном представители духовенства и баи.

Аналогичное объединение недовольных, возглавляемое представителями духовенства и частью местной элиты, сформировалось и в северных районах КАО с центром в Чимбае. В период с 19 по 21 сентября 1929 года органы ОГПУ арестовали около 100 человек, обвинённых в «создании контрреволюционных групп и подготовке антисоветского восстания». Часть участников сумела избежать арестов и уже 27 сентября выступила с вооружённой акцией в Тахтакупырском районе. Данное восстание носило не столько «байско-ишанский», сколько общенародный характер: в нём приняли участие около 300 человек. Руководство движением осуществляли 8 представителей духовенства и 18 бывших баев, из которых пятеро ранее занимали должности в советских органах.

Тахтакупырское восстание стало первым звеном в цепи аналогичных крестьянских выступлений на территории Казахстана. Власти не отрицали его политической взаимосвязи с выступлениями в других регионах, включая Ходжикент и даже Кустанай. Уже через два дня антисоветское движение охватило Бостандыкский район Сырдарьинского округа, а 1 октября — Батпаккаринский район Кустанайского округа. В целом в 1929–1931 годах в Казахстане было зафиксировано 372 восстания, в которых приняли участие свыше 80 тысяч человек [24].

Драматические события сентября–октября 1929 года привели к резкому ужесточению политики в отношении зажиточных слоёв и ускорили масштабные «чистки» на всех уровнях управленческого аппарата как в республике в целом, так и в КАО в частности. В 1929–1930 годах из областного партийно-советского аппарата было выведено более 600 человек, в том числе 50 — из областных структур, при этом состав 75 % аульных советов был полностью обновлён. Значительная часть местных советско-партийных работников, выступавших за смягчение давления на зажиточные хозяйства и против необоснованной экспроприации середняцких хозяйств, была обвинена в «правом уклоне» и подверглась репрессивным мерам. В результате из 930 проверенных членов Каракалпакской партийной организации 150 человек (около 16,3 %) были исключены из партии [25].

24 октября 1929 года в газете «Советская степь» было опубликовано постановление Бюро Казкрайкома «О результатах и очередных задачах колхозного строительства». В ноябре 1929 года было принято решение распространить на территорию КАО положения совместного постановления ЦИК и СНК КазАССР «О конфискации и выселении баев-полуфеодалов» от 27 августа 1928 года, которое ранее на область не распространялось. Одновременно Казкрайком подчеркнул необходимость дальнейшего, ещё более интенсивного наращивания темпов колхозного строительства. Уже 18 ноября 1929 года секретариат Каракалпакского обкома партии приступил к составлению списков семей, подлежащих выселению из КАО, а 20 декабря на закрытом объединённом заседании

бюро обкома и Президиума областной Контрольной комиссии был утверждён первый список из 49 семей [26].

Курс на форсированную коллективизацию и ликвидацию зажиточных хозяйств получил дополнительное идеологическое обоснование в резолюции ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) 1929 года, где провозглашался новый этап «социалистического преобразования сельского хозяйства», предполагающий «решительную борьбу с кулачеством, искоренение корней капитализма в деревне и ускоренное объединение индивидуальных бедняцких и середняцких хозяйств в крупные коллективные формы». В развитие этих установок 16–17 декабря 1929 года Казкрайком утвердил резолюцию «Об усилении темпов коллективизации», а 2 января 1930 года принял постановление «О политической оценке контрреволюционных выступлений в Каракалпакии, Бостандыкском и Батпакаринском районах». Документ предписывал местному аппарату жёстко подавлять очаги недовольства и переходить к ещё более высоким темпам коллективизации с ориентацией на сплошное охватывание отдельных районов и округов. Лица, проявлявшие недовольство, подлежали изоляции от основной массы дехкан путём выселения либо ареста.

«Омолождённый» местный аппарат, уже адаптированный к многочисленным кампаниям, проводимым властями, воспринял коллективизацию как очередную ударную акцию. Казкрайком поставил задачу охватить коллективными формами хозяйствования 30,1 % всех крестьянских хозяйств Казахстана. В конце 1929 года, несмотря на крайне неудовлетворительное состояние организации труда, низкий уровень обобществления имущества, слабую регламентацию внутрихозяйственных отношений, недостаточный агротехнический уровень и дефицит квалифицированных специалистов при слабой производственно-технической базе, в КАО в сжатые сроки было создано ещё 18 новых колхозов. В результате общее число коллективных хозяйств достигло 32 [27].

5 января 1930 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», согласно которому сельскохозяйственная артель определялась как основная форма кооперации дехканских хозяйств. Документом были установлены конкретные сроки коллективизации: районы зерновых и технических культур были отнесены к группе территорий, где процесс коллективизации предполагалось в основном завершить к весне 1932 года.

11 января 1930 года Казкрайком на закрытом заседании, рассмотрев вопрос о земельно-водной реформе в КАО, принял решение о «полной ликвидации ханских, мечетных и иных земель, явно выраженных нетрудовых хозяйств, хозяйств крупных торговцев, аталыков, высшего духовенства и других категорий», а также о проведении технической реконструкции сельского хозяйства на основе сплошной коллективизации. 21 января 1930 года Бюро Казкрайкома поддержало курс на ликвидацию ханских, вакуфных и байских земель и выселение наиболее крупных «контрреволюционных элементов». Согласно принятым решениям, наиболее влиятельные представители байства, ишанства и аталыков подлежали выселению с территорий, охваченных земельно-водной реформой, проведение которой в Каракалпакистане первоначально намечалось на конец 1930 года.

1 февраля 1930 года ВЦИК и СНК СССР приняли постановление «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством», а 19 февраля аналогичный документ был утверждён ЦИК и СНК Казахстана. Уже 3 февраля на заседании секретариата Каракалпакского обкома партии с докладом «О ликвидации кулака как класса» выступил секретарь обкома П. Варламов, заявивший о наличии в КАО всех необходимых предпосылок для проведения политики «ликвидации кулачества как

класса». В качестве первоочередной задачи была поставлена экспроприация зажиточных хозяйств в ходе весенней посевной кампании 1930 года. П. Варламов подчёркивал, что в области следует развивать не только колхозное движение, но и переходить к сплошной коллективизации. Одновременно Каракалпакский обком обратился в Казкрайком с ходатайством о переносе сроков земельно-водной реформы на весну 1930 года с целью синхронизации всех мероприятий.

9 февраля 1930 года Казкрайком направил Каракалпакскому обкому партии директиву с установленным количеством хозяйств, подлежащих конфискации имущества и выселению, – 300 по области. Данная цифра была определена ещё в 1927 – 1928 годах в ходе работы комиссии Каракалпакского обкома партии по выявлению зажиточных хозяйств, в состав которой входили К. Аллабергенов, С. Мамбеев и Ф. Холковский. Комиссией было обследовано около 40 тысяч хозяйств шести районов КАО, в результате чего установлено, что примерно 4 % хозяйств не имели посевов, 61 % располагали посевами до двух десятин, около 32 % – до пяти десятин, 2,7 % – до девяти десятин, и лишь 0,1 % хозяйств имели посевы свыше девяти десятин. На основании этих данных в процентном соотношении было выявлено около 300 хозяйств, обладавших значительными земельными наделами и использовавших наёмный труд [28].

20 февраля 1930 года была образована комиссия в составе К. Аллабергенова, В. Думчева, К. Мамбетниязова и Калменова, которой поручалось выявление зажиточных хозяйств по районам. Одновременно была создана «тройка» по ликвидации байских хозяйств в составе П. Варламова, К. Аллабергенова и Белоногова. Обком партии разработал и разослал директиву, согласно которой ликвидации подлежали хозяйства, имевшие земельные наделы свыше 9 га в земледельческих районах либо более 35 голов крупного рогатого скота в скотоводческих районах, а также хозяйства, «имеющие меньшие размеры земли или скота, но ведущие нетрудовые формы хозяйствования, все явно нетрудовые хозяйства полуфеодалного типа, хозяйства слугителей царского и ханского управления и высшего духовенства» [29]. Контроль за проведением мероприятий возлагался на органы ОГПУ, которым также поручалось вести учёт настроений населения и применять немедленные меры – вплоть до арестов и конфискации имущества – в отношении лиц, оказывавших сопротивление и занимавшихся контрреволюционной агитацией.

Работу по ликвидации зажиточных хозяйств «тройка» начала с составления уточнённых списков, в которые вошли 298 хозяйств, подлежавших конфискации имущества и выселению за пределы области. По результатам её деятельности Исполком КАО 17 марта 1930 года принял постановление «О ликвидации в КАО наиболее крупных и влиятельных полуфеодалов», предусматривавшее выселение указанных хозяйств с полной конфискацией имущества. Выселяемым семьям разрешалось оставить продовольственные запасы сроком на два месяца, одну лошадь с повозкой, одну корову либо четырёх овец. На исполнение постановления отводилось 10 дней, начиная с 1 апреля. При этом меры наказания дифференцировались по категориям: хозяйства первой категории подлежали аресту и заключению в концентрационные лагеря, хозяйства второй категории – выселению за пределы КАО, третьей категории – переселению в пределах области.

17 марта 1930 года в районы были направлены уполномоченные Исполкома области, в частности, в Чимбайский район – К.Аллабергенов, Шаббазский – С.Мамбеев, Шураханский – Ракипов, Кипчакский – Левитанус, Ходжейлийский – Люблин, Кунградский – Назаров, Караузьякский – Калимбетов, Кегейлийский – К.Нурмухамедов, Тахтакупырский - А.Усманов. В то же время они были ответственны и за посевную, вели пропагандистско-агитационную работу по коллективизации, как и Г.Букейханов,

А.Бурлов, Алиев, А.Дошанов, И.Баймухамедов, И.Бисенов, С.Туреев, А.Урумбаев и др. Они должны были осуществить разнарядку обкома, согласно которой зажиточные хозяйства, согласно решения СНК КазАССР от 24 января 1928 года о порядке выселения баев-«полуфеодалов» по территории Казахстана, где из КАО планировалось переселить зажиточные хозяйства в Актюбинский округ. Хозяйства III категории насильственно переселялись из одного района в другой внутри самой КАО. Например, из Турткульского района 16 хозяйств должны были переселиться в Чимбайский, 20 хозяйств – в Тахтакупырский районы. Из Шаббазского района – 24 хозяйств в Караузьякский, 20 – в Кегейлийский районы, из Кипчака 20 хозяйств в Караузьякский и 16 – в Кегейлийский. Из Ходжейли – 18, из Тахтакупыра – 19 хозяйств переселялись в Шаббазский район, еще 24 хозяйств Ходжейли - в Тахтакупырский район. Из Кунградского района 21, Караузьяка - 11 хозяйств переселялись в Кипчакский, из Кегейли - 45, из Чимбая - 44 хозяйств - в Турткульский район.

Весной 1930 года советская власть фактически утратила позиции в агитационно-пропагандистском пространстве, что вынудило её перейти от преимущественно идеологических методов воздействия к административно-репрессивным формам давления. Наиболее заметные представители зажиточных хозяйств и духовенства подверглись арестам и расстрелам. По данным Информационного отдела обкома партии, в период с 1 января 1929 года по 1 мая 1930 года в КАО были расстреляны 147 человек, ещё 29 направлены в лагеря [30]. Применение грубой силы и административного принуждения стало характерной чертой данного этапа. При этом социально-экономическое положение хозяйств, включённых в списки «байских», зачастую не соответствовало подобной квалификации. Так, в одном из перечней по Чимбайскому району числились 42 хозяйства, у которых было изъято 34 жилых постройки, 40 голов крупного рогатого и 95 голов мелкого скота, 19 арб, 7 чигирей и 8 лопат [31]. Конфискации носили тотальный характер, вследствие чего в ряде районов, в частности в Шаббазском, среди выселяемых хозяйств фиксировались случаи голода [32].

Усиление давления затронуло не только зажиточные, но и середняцкие и бедняцкие хозяйства. Это было связано с требованием обкома партии к райкомам ликвидировать весной 1930 года 3–4 % хозяйств от их общего числа как «байско-ишанские». Особенно жёсткой критике подверглись Турткульский, Кунградский, Тахтакупырский и Шаббазский райкомы, где доля ликвидированных хозяйств составила лишь 1,3 %. В стремлении продемонстрировать выполнение директив отдельные райкомы (в частности, Ходжейлийский) отчитались о достижении показателя в 3 %, включив в списки на ликвидацию середняцкие и бедняцкие хозяйства.

Одновременно обком партии требовал завершить коллективизацию всех хозяйств до начала посевной кампании, а на местах эти сроки воспринимались как обязательный норматив, который необходимо было превзойти. В ряде районов партийно-советские органы ставили задачу завершения сплошной коллективизации уже к концу 1931 года. Возникший в результате ажиотаж породил явление, получившее характер трагической «процентомании»: эффективность деятельности местных органов власти оценивалась исключительно по доле коллективизированных хозяйств. Началась гонка за показателями, в ходе которой руководители районов соревновались между собой, требуя от подчинённых безусловного выполнения директив и установленных цифр — вплоть до учёта каждого хозяйства или единицы скота.

Если в январе 1930 года в КАО было коллективизировано 12,5 % всех хозяйств, то уже в апреле этот показатель достиг 52 %. К марту 1930 года в Кипчакском районе было создано 20 колхозов, в Чимбайском — 71, а в Тамдынском и Ходжейлийском районах коллективизация была объявлена завершённой полностью. Таким образом, уже к апрелю

первоначальные планы коллективизации сельского хозяйства на 1930 год были превышены почти в два раза как по доле коллективизированных хозяйств, так и по площади земель, включённых в колхозы. Эти показатели могли бы быть ещё выше, если бы не постановление ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 года «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении», а также статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов» и «Ответ товарищам колхозникам», которые в советской историографии трактовались как переломный момент в «нормализации» колхозного движения.

21 марта Казкрайком принял директиву о реализации на местах указанного постановления ЦК, после чего в официальном дискурсе стали допускаться признания «деформаций в колхозном движении». Даже непосредственные исполнители были вынуждены констатировать чрезмерность применённых мер. Так, оперуполномоченный Каракалпакского обкома партии Масленников писал: «Нельзя ли дать директиву о свертывании их до предела возможного организационного охвата. Головоутиение в этом деле началось с областного центра — это всё наша проклятая болезнь, что нас могут обвинить в правом уклоне. Да разве можно у нас проводить сплошную коллективизацию?! В организационном плане мы сами не подготовлены, не говоря уже о том, что подготовительная работа была слишком мизерна-ничтожна, а в качественном отношении — ниже всякой критики». Поддержка сплошной коллективизации со стороны дехканских масс в области отсутствовала, и её проведение в значительной степени обеспечивалось методами прямого давления со стороны местных органов управления и власти [33].

Нарушение принципов добровольности и элементарных норм законности с самого начала носило повсеместный характер. Так, в Кипчакском районе дехкан принуждали к вступлению в колхозы при участии вооружённой милиции; 90 человек, отказавшихся войти в коллективные хозяйства, были арестованы. В Турткульском районе население запугивали угрозами сверхобложения, а отдельные уполномоченные прибегали к откровенному обману, обещая крупные государственные кредиты, скорое прибытие 500 тракторов, раздачу по 52 пуда пшеницы на каждого хозяйственника и другие заведомо нереалистичные меры. В Ходжейлийском районе за отказ вступить в колхоз местные органы власти вынудили середняка И. Тажибаева дважды уплатить сельскохозяйственный налог. К. Нурмагамбетов, владевший 15 головами скота, был обложен натуральным налогом в размере 25 пудов хлопка, а за его неисполнение оштрафован на 500 рублей с последующим изъятием всего поголовья скота [34].

В указанный период массовое недовольство сельского населения достигло своего предела. В аулах и кишлаках имели место убийства активистов-«бельсенди», поджоги домов, уничтожение скота. За короткое время в областной центр прибыли более 100 делегаций дехкан. Так, в марте 1930 года в Ходжейлийском районе середняцкие и бедняцкие хозяйства открыто выступили против коллективизации, а женщины аула № 6 организовали демонстрацию. Только в феврале–апреле 1930 года в КАО было зафиксировано 13 массовых выступлений женщин под лозунгами «Распустить колхозы!», «Дайте хлеба!», «Освободите арестованных!», в которых приняли участие свыше 1300 человек. В скотоводческих районах широкое распространение получили массовые убои скота и миграция населения за пределы области. Так, если в ауле № 4 Ходжейлийского района в августе 1929 года насчитывалось 193 хозяйства, то к 15 февраля 1930 года их осталось 103, а в марте — лишь 80, также готовившихся к переселению. Всего по Ходжейлийскому району с 1928 года мигрировали 348 хозяйств, из них в январе–марте 1930 года — 207, преимущественно зажиточных (около 40

байских, 121 середняцкое и 187 семей бедняков и батраков). В тот же период из Тамды откочевали 450 скотоводческих хозяйств [35].

24 марта 1930 года обком партии был вынужден признать, что «темпы коллективизации, вне всякого сомнения, оказались раздутыми, а при её проведении применялись абсолютно неправильные, недопустимые и откровенно преступные методы». Было принято решение о пересмотре состояния всех колхозов и их реорганизации; в качестве основной формы объединения признавались ТОЗы, а дехканам, не желавшим оставаться в колхозах, разрешалось свободно выходить из них. Практически сразу начался массовый распад коллективных хозяйств: только в Ходжейлийском районе из колхозов вышли 740 семей, в результате чего осталось 33 колхоза с охватом 18,9 % хозяйств. В Шаббазском районе продолжали существовать 26 колхозов, объединявших 2565 хозяйств, в Кипчакском районе около 400 хозяйств покинули колхозы. В целом по области сохранились 134 сельскохозяйственные артели и 76 ТОЗов с общим числом 12 079 хозяйств.

Одновременно Казкрайком действовал по двум направлениям. 19 марта 1930 года в ЦК ВКП(б) была направлена докладная записка с обоснованием необходимости выделения КАО из состава Казахстана [36], а также был вынесен на обсуждение Бюро Казкрайкома вопрос о текущей ситуации в области. 5 апреля 1930 года Бюро Казкрайкома приняло решение направить в КАО комиссию во главе с У. Исаевым. 24 апреля в Турткуле комиссия заслушала отчёт обкома партии и Контрольной комиссии «Об извращениях партийной линии в колхозном строительстве». Ответственность за допущенные перегибы была возложена на областную РКИ, областной Колхозсоюз и ряд райкомов партии, обвинённых в «головотяпстве» и недооценке «происков классовых врагов советской власти». Подобная позиция вызвала растерянность среди местных работников, оказавшихся под давлением как сверху, так и снизу. Комиссия указала на «недоучёт объективных и субъективных предпосылок, необходимых при определении темпов, форм и методов колхозного строительства в Каракалпакии, переоценку собственных сил и сил противника, отрыв работников от масс и незнание реальных настроений основной массы дехканства» [37]. В качестве выхода предлагалось сформировать новые группы кадров, идейно подготовленных и способных адекватно понимать задачи проводимых преобразований.

В тот же день обком партии отменил ранее принятые решения Каракалпакского бюро обкома от 31 января, 3 и 10 февраля 1930 года как ошибочные и принял ряд административных мер. Были лишены полномочий Халикулов и Люблин, освобождён от должности секретарь Ходжейлийского райкома партии Х. Акчурун. Кроме того, были указаны серьёзные недостатки в работе уполномоченных Г. Букейханова, К. Аллабергенова, А. Назарова, А. Бурлова, А. Усманова, Алиева, К. Нурмухамедова, а также ряда секретарей райкомов и других работников, включая И. Баймухамедова, А. Дошанова, С. Туреева, Дворникова и др.

На практике провести чёткую границу ответственности между местными и центральными органами власти представляется затруднительным. Иерархическая, жёстко централизованная система управления, сложившаяся в стране, при условии безусловного подчинения решениям центра и низкого уровня подготовки значительной части местных кадров, выдвинутых по классовому признаку, фактически исключала возможность самостоятельных инициатив или отклонений от заданного курса. Любые ошибки и просчёты карались для партийных работников крайне жёстко — лишением партийного билета, что превращало человека в своего рода «изгоя» и полностью блокировало перспективы дальнейшего служебного роста. Уполномоченный обкома Масленников характеризовал ситуацию как анархию на всех уровнях управленческого

аппарата, «начиная с чрезвычайных уполномоченных, которые боялись лишиться партбилета и потому всеми средствами гнались за количественными показателями». В аналогичном ключе высказывался и К. Аvezов, отмечавший: «Директив много — по линии ведомств и наркоматов, однако в них практически не учитываются специфические особенности КАО».

Не отрицая ответственности местных работников, следует подчеркнуть, что они неоднократно предупреждали вышестоящие инстанции о надвигающихся негативных последствиях. Так, уже через неделю после назначения уполномоченным Исполкома КАО по Шураханскому району, 25 марта 1930 года Ракипов в своём докладе выделял два этапа коллективизационных процессов — до и после 20 февраля 1930 года. По его оценке, на первом этапе «организация колхозов шла нормальными темпами, колхозы были небольшими, но устойчивыми», тогда как второй этап характеризовался «административным нажимом на дехканство, когда обман, аресты и запугивание приобрели повсеместный характер».

В мае 1930 года состоялась V конференция партийной организации КАО, на которой низовые партийно-советские кадры были обвинены в допущении серьёзных ошибок в ходе коллективизации сельского хозяйства. Вместе с тем даже на VI Всеказахской партийной конференции Ф. Голощекин был вынужден признать наличие серьёзных проблем в системе управления и администрирования в КАО. Он указывал, что каждому районному работнику органов власти предписывалось обеспечить создание определённого числа колхозов, в результате чего на местах широко применялись методы принуждения и запугивания: повторное налогообложение или аресты дехкан, отказывавшихся вступать в колхозы, а также массовое использование обмана, связанного с обещаниями поставок сельскохозяйственной техники, тракторов и промышленных товаров. «В Каракалпакской области, — отмечал Ф. Голощекин, — хозяйство которой по-прежнему основано на омачном земледелии, где сохраняются полуфеодалные отношения и значительное влияние баев и ишанов, в апреле коллективизация достигла 52 %, тогда как уже в мае этот показатель снизился до 23 %» [38].

В то же время председатель областной РКИ С. Мамбеев на конференции подчеркнул, что «возлагать всю ответственность за искривления колхозного движения исключительно на местные организации было бы неверно», поскольку в допущенных перегибах были виновны и краевые органы. По его словам, «головокружение от успехов проявилось не только на местах, но и среди центральных работников». Он напомнил также о выводах комиссии ЦК ВКП(б), обследовавшей КАО, которая указывала на возможность «решительных успехов как в качественном, так и в количественном отношении», подчёркивая, что в условиях области «необходимо не только ориентироваться на передовые районы, но и стремиться их превзойти», поскольку для этого имелись соответствующие предпосылки [39].

В итоге V Всеказахская партийная конференция так и не выработала единой позиции. Основная ответственность за допущенные ошибки была возложена на местные органы власти, формально лишь исполнявшие директивы и решения центра. Уже 20 июля 1930 года Президиум ВЦИК СССР принял постановление о выводе КАО из состава КазАССР и передаче области в непосредственное подчинение центральным государственным органам РСФСР.

Заключение. Таким образом, Каракалпакстан, находясь во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов в составе КазАССР, в полной мере испытал на себе последствия политики так называемого «Малого Октября». В целом данная политика носила волюнтаристский характер и не имела объективных социально-экономических

предпосылок. Она вступала в противоречие с традиционными формами местного хозяйствования, вследствие чего её реализация осуществлялась преимущественно силовыми методами, что сопровождалось тяжёлыми социально-экономическими последствиями для населения региона. Политика конфискаций, насильственное проведение продразвёрстки, так называемая «ликвидация баев-феодалов», а также форсированное создание коллективных хозяйств в условиях полукочевого традиционного уклада привели к резкому сокращению поголовья скота, разорению значительной части хозяйств, голоду и массовым откочёвкам населения. Указанные последствия вызывали сопротивление со стороны населения, в том числе в вооружённой форме, которое властями подвергалось жёсткому подавлению.

Проведение коллективизации в сжатые сроки, без учёта особенностей традиционного хозяйства и при отсутствии необходимой инфраструктуры, изначально предопределяло её крайне болезненные последствия для народных масс. Дополнительным фактором дестабилизации стала идеология классовой борьбы, навязанная обществу, в котором отсутствовали соответствующие социальные предпосылки. В результате это привело к глубокому социально-экономическому кризису, сокращению численности населения, насильственному разрушению традиционного хозяйственного уклада и формированию жёстко зависимой административной системы. Вместе с тем данные процессы не смогли остановить модернизационную политику советского образца, которая, несмотря на временные корректировки и «отступления», продолжалась и после выхода Каракалпакстана из состава КазАССР.

Во второй половине 1930 года рост числа колхозов замедлился, однако продолжался в относительно устойчивых темпах. Так, к ноябрю 1930 года уровень коллективизации в Шаббазском районе достиг 44 %, в Кипчакском — 44,3 %, в Ходжейлийском — около 20 % и т. д. Вместе с тем на смену кампании коллективизации пришла новая — за выполнение планов по заготовке хлопка. Местные руководящие кадры опасались срыва планов по хлопкосдаче, хлебо- и мясозаготовкам. Попытки отдельных районных руководителей (в частности, Кунградского, Кегейлийского и Шаббазского районов) указать на объективную невозможность выполнения завышенных заданий по хлопку и хлебу квалифицировались как «проявления правого оппортунизма».

В этот период продолжались репрессивные меры в отношении партийно-советских работников, пытавшихся заступиться за необоснованно репрессированных дехкан-средняков и рядовых тружеников. Их обвиняли в «правом уклоне» и исключали из партии. Так, в ноябре 1930 года были исключены из партии член Чимбайского райкома Дж. Мирманов и заместитель председателя Чимбайского РИК Хожабаев. Примечательно, что Дж. Мирманову ещё в 1928 году было присвоено звание Героя КАО с вручением памятного подарка.

Жёсткие директивы обкома, ориентированные на усиление «большевистского нажима на байско-зажиточную верхушку аула», способствовали дальнейшей эскалации социальной напряжённости в КАО. Массовый характер приобрела миграция населения за пределы области. Так, с конца 1930 — начала 1931 года из Турткульского и Кипчакского районов откочевали около 150 хозяйств, преимущественно середняцких и бедняцких. В феврале–марте 1931 года из Кипчакского района в Туркменистан и Хорезмскую область Узбекистана переселились около 500 хозяйств, а также 180 хозяйств колхозников. Из Чимбайского района выехали 460 хозяйств, имели место миграции из Караузьякского и Ходжейлийского районов [40]. Из Тамдынского района откочевали 263 хозяйства, располагавшие в совокупности 21 173 головами скота. В целом по области численность продуктивного скота за этот период сократилась на 56,9

%. Так, если в 1930 году насчитывалось 159 257 голов крупного рогатого скота, то в 1931 году их осталось лишь 71 717; численность овец сократилась с 97 492 до 56 474 голов соответственно [41].

Между тем уже 20 декабря 1930 года Каракалпакский обком партии констатировал «крайне слабое применение мер судебного и административного воздействия в отношении байства», увязывая это с невыполнением планов государственных заготовок, прежде всего по хлопку. В этой связи 1 января 1931 года обком партии принял решение об увеличении масштабов выселения так называемой «байско-зажиточной группы» с охватом 4–5 % от общего числа хозяйств. Подчёркивалась необходимость применения решительных мер, вплоть до жёстких репрессивных действий. Предписывалось широко использовать общественно-административные меры давления на единоличные хозяйства, допуская проведение обысков с конфискацией хлопка у 6–7 % хозяйств и применение к «наиболее злостным» административно-судебных санкций. Аналогичные меры распространялись и на колхозников.

В апреле 1931 года обком партии и Исполком КАО поставили перед местными органами власти задачу довести уровень коллективизации до 50 % всех хозяйств аулов и кишлаков. За неисполнение данных директив был освобождён от должности прокурор области А. Адакаев с формулировкой «за искривление линии партии и правительства, выразившееся в защите баев в период хлебозаготовок и посевных кампаний». По первой категории из партии были исключены К. Ирманов (бывший заместитель областного прокурора), Х. Юсупов (бывший прокурор области), Ш. Орумбаев (бывший председатель областного суда) и ряд других ответственных работников.

30 июля 1931 года Каракалпакский обком партии вновь потребовал завершить коллективизацию в хлопкосеющих районах в течение 1931 года, а в крайнем случае — к весне 1932 года. В ответ районные органы власти ещё более усилили административный нажим, широко применяя судебное преследование сельского населения независимо от имущественного положения. Одним из инструментов давления стала практика контрактации — системы договоров между государственными заготовительными органами и колхозами, сельскими кооперативами либо индивидуальными хозяйствами, согласно которым получение кредитов или услуг ставилось в прямую зависимость от обязательной сдачи хлопка, зерна и других продуктов. Однако и эта форма экономического воздействия реализовывалась в условиях жёсткого административного давления, сопровождавшегося грубым обращением с населением, вплоть до физического насилия над колхозниками.

Так, в Кипчакском районе агитационно-разъяснительная работа, которая должна была предшествовать сбору заявок и контрактации, была фактически заменена административным «вручением» приказов, обязывавших дехкан сдавать строго определённые планом объёмы продукции. В результате 7008 человек были лишены избирательных прав, после чего 371 хозяйство — как единоличных дехкан, так и колхозников — покинуло пределы области [42].

Ещё более драматично ситуация развивалась в Тамдынском районе, где преобладало скотоводческое хозяйство. По данным переписи 1931 года здесь насчитывалось 4518 хозяйств. В ходе коллективизации было уничтожено 127 251 голова скота, что составляло около 55 % всего поголовья. К концу 1931 года в районе осталось лишь 530 хозяйств, при этом только в течение одного года 1988 хозяйств с примерно 50 тысячами голов скота откочевали в другие республики [43]. Летом 1931 года в колхозе «Актау» скотоводы выступили против стопроцентного обобществления скота, однако местные власти насильственно изъяли и обобществили около 75 % поголовья. Скот был сосредоточен у четырёх колодцев под контролем местного аппарата и активистов-

«бельсенди», что при отсутствии достаточных пастбищ и водоисточников привело к его массовому падежу.

В целом за 1930 год в КАО было создано 210 колхозов, объединивших 12 079 хозяйств. В начале 1931 года начался новый виток коллективизации: число колхозов возросло до 416, а общее количество вовлечённых хозяйств достигло 18 849. В их распоряжение было передано около 45 тыс. га земель за счёт резервного земельного фонда и конфискованных наделов выселенных хозяйств. Вместе с тем Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б) скорректировало установку, рекомендовав Каракалпакскому обкому отказаться от гонки за процентами коллективизации и перенести обязательное завершение коллективизации в хлопковых районах на весну 1933 года.

Так завершился период «коллективизационного бума» в КАО, несколько смягчённый в связи с преобразованием области в Каракалпакскую АССР в марте 1932 года. К этому времени коллективизация охватила уже около 53 % всех хозяйств региона. В последующие годы начался новый этап насильственного отчуждения дехкан от земли, окончательной ликвидации частной собственности в сельском хозяйстве и закрепления административно-командной модели аграрных преобразований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Центральный государственный архив РК (ЦГА РК). – Ф. 74. – Оп. 4. – Д. 424. – Л. 65; Д. 559. – ЛЛ. 27–32.
- 2 Центральный государственный архив Республики Каракалпакстан (ЦГА РК). – Ф. 12. – Оп. 3. – Д. 164. – Л. 173.
- 3 6-я Всеказахская конференция ВКП(б). Стенографический отчет [Текст]. – Кызыл-Орда, 1927.
- 4 ЦГА РК. – Ф. 12. – Оп. 3. – Д. 303. – Л. 41; Власть Советов [Текст]. – 1927. – № 16. – Л. 11–13; Архив Жокаргы Кенес Республики Каракалпакстан (Архив ЖК РК). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 700. – Л. 100–101.
- 5 Коллективизация сельского хозяйства Казахстана: Сборник документов [Текст]. – Алматы, 1967. – 120 с.
- 6 VI Всеказахский съезд Советов. Стенографический отчет [Текст]. – Кызыл-Орда, 1927. – 111 с.
- 7 VI Всеказахский съезд Советов. Стенографический отчет [Текст]. – Кызыл-Орда, 1927. – 69 с.
- 8 Архив Жокаргы Кенес Республики Каракалпакстан (Архив ЖК РК). – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 664. – Л. 21.
- 9 Архив ЖК РК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ф. 661. – Л. 120.
- 10 Архив ЖК РК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 197. – Л. 49.
- 11 ЦГА РК. – Ф. 274. – Оп. 1. – Д. 114. – Л. 54.
- 12 Коллективизация сельского хозяйства Казахстана... [Текст]. – С. 170.
- 13 ЦГА РК. – Ф. 12. – Оп. 3. – Д. 303. – Л. 388.
- 14 Агдарбеков, Т. А. Проблемы национально-государственного строительства в Казахстане [Текст] / Т. А. Агдарбеков. – Алматы, 1990. – 98 с.
- 15 История Казахской ССР [Текст]. – Т. 2. – Ташкент, 1974. – 115 с.; Аvezов, К., Варламов, П. Каракалпакия к 10-летию Казахстана [Текст] / К. Аvezов, П. Варламов. – Алматы, 1930. – 18 с.
- 16 Архив ЖК РК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 274. – Л. 92.
- 17 Алкин, И. Средняя Азия: Экономико-географический очерк [Текст] / И. Алкин. – Ч. 1. – Москва, 1941. – 365 с.
- 18 Аvezов, К., Варламов, П. Указ. соч. [Текст]. – С. 50.

- 19 Архив ЖК РК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 753. – Л. 62.
20 ЦГА Каз. – Ф. 247. – Оп. 1. – Д. 156. – Л. 20.
21 VII Всеказахский съезд Советов. Стенографический отчет [Текст]. – Кзыл-Орда, 1929. – 3 с.
22 Архив ЖК РК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 577. – Л. 37.
23 ЦГА Каз. – Ф. 247. – Оп. 1. – Д. 207. – ЛЛ. 43–44.
24 История Казахстана [Текст]. – Алматы, 1993. – 110 с.
25 Архив ЖК РК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 666. – Л. 5.
26 Архив ЖК РК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 664. – Л. 225.
27 Архив ЖК РК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 577. – Л. 38.
28 Там же. – Д. 606. – Л. 194.
29 Архив ЖК РК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 979. – Л. 34.
30 Архив ЖК РК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 664. – Л. 246.
31 Архив ЖК РК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 1025. – Л. 19.
32 Архив ЖК РК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 978. – Л. 66.
33 Архив ЖК РК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 907. – Л. 7.
34 Архив ЖК РК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 1025. – ЛЛ. 1–3.
35 ЦГА РК. – Ф. 115. – Оп. 1. – Д. 227. – Л. 25.
36 Досумова, Г. Неизвестные страницы каракалпакской национальной государственности [Текст] / Г. Досумова // I-я Республиканская научно-теоретическая конференция молодых ученых и специалистов Каракалпакстана. – Нукус, 1991. – С. 114–117.
37 ЦГА РК. – Ф. 115. – Оп. 1. – Д. 227. – Л. 3.
38 VII Всеказахская конференция ВКП(б). Стенографический отчет [Текст]. – Кзыл-Орда, 1930. – С. 98–101.
39 Там же. – С. 293.
40 Архив ЖК РК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 1010. – Л. 30.
41 ЦГА РК. – Ф. 50. – Оп. 1. – Д. 17. – ЛЛ. 56–71.
42 Архив ЖК РК. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 612. – Л. 44.
43 Архив ЖК РК. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 16. – Л. 32.

REFERENCES

- 1 Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazakhstan (CGA RK). F. 74. Op. 4. D. 424. L. 65; D. 559. LL. 27–32. – (In Rus)
- 2 Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Karakalpakstan (CGA RK). F. 12. Op. 3. D. 164. L. 173. – (In Rus)
- 3 6-ya Vsekazahskaya konferenciya VKP(b). Stenograficheskij otchet [The 6th All-Kazakh Conference of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Stenographic Report]. Kzyl-Orda, 1927. – (In Rus)
- 4 CGA RK. F. 12. Op. 3. D. 303. L. 41; Vlast' Sovetov [The Power of the Soviets]. (1927). No. 16. LL. 11–13; Arhiv Zhokargy Kenes Respubliki Karakalpakstan (Arhiv ZhK RK). F. 1. Op. 1. D. 700. LL. 100–101. – (In Rus)
- 5 Kollektivizaciya sel'skogo hozyajstva Kazakhstana: Sbornik dokumentov [Collectivization of Agriculture in Kazakhstan: Collection of Documents]. Almaty, 1967: 120 p. – (In Rus)
- 6 VI Vsekazahskij s"ezd Sovetov. Stenograficheskij otchet [The 6th All-Kazakh Congress of Soviets. Stenographic Report]. Kzyl-Orda, 1927: 111 p. – (In Rus)
- 7 VI Vsekazahskij s"ezd Sovetov. Stenograficheskij otchet [The 6th All-Kazakh Congress of Soviets. Stenographic Report]. Kzyl-Orda, 1927: 69 p. – (In Rus)

- 8 Arhiv ZhK RK. F. 1. Op. 2. D. 664. L. 21. – (In Rus)
- 9 Arhiv ZhK RK. F. 1. Op. 2. D. 661. L. 120. – (In Rus)
- 10 Arhiv ZhK RK. F. 1. Op. 2. D. 197. L. 49. – (In Rus)
- 11 Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kazakhstana (CGA Kaz.). F. 274. Op. 1. D. 114. L. 54. – (In Rus)
- 12 Kollektivizaciya sel'skogo hozyajstva Kazakhstana... [Collectivization of Agriculture in Kazakhstan]. P. 170. – (In Rus)
- 13 CGA RK. F. 12. Op. 3. D. 303. L. 388. – (In Rus)
- 14 Agdarbekov, T.A. Problemy nacional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v Kazakhstane [Problems of National-State Building in Kazakhstan]. Almaty, 1990: 98 p. – (In Rus)
- 15 Istoriya Kazakhskoj SSR [History of the Kazakh SSR]. Vol. 2. Tashkent, 1974: 115 p.; Avezov, K., Varlamov, P. Karakalpakiya k 10-letiyu Kazakhstana [Karakalpakia on the 10th Anniversary of Kazakhstan]. Almaty, 1930: 18 p. – (In Rus)
- 16 Arhiv ZhK RK. F. 1. Op. 2. D. 274. L. 92. – (In Rus)
- 17 Alkin, I. Srednyaya Aziya: Ekonomiko-geograficheskij ocherk [Central Asia: An Economic-Geographical Essay]. Part 1. Moscow, 1941: 365 p. – (In Rus)
- 18 Avezov, K., Varlamov, P. Ukaz. soch. [Ibid.]. P. 50. – (In Rus)
- 19 Arhiv ZhK RK. F. 1. Op. 2. D. 753. L. 62. – (In Rus)
- 20 CGA Kaz. F. 247. Op. 1. D. 156. L. 20. – (In Rus)
- 21 VII Vsekazahskij s"ezd Sovetov. Stenograficheskij otchet [The 7th All-Kazakh Congress of Soviets. Stenographic Report]. Kzyl-Orda, 1929: 3 p. – (In Rus)
- 22 Arhiv ZhK RK. F. 1. Op. 2. D. 577. L. 37. – (In Rus)
- 23 CGA Kaz. F. 247. Op. 1. D. 207. LL. 43–44. – (In Rus)
- 24 Istoriya Kazakhstana [History of Kazakhstan]. Almaty, 1993: 110 p. – (In Rus)
- 25 Arhiv ZhK RK. F. 1. Op. 2. D. 666. L. 5. – (In Rus)
- 26 Arhiv ZhK RK. F. 1. Op. 2. D. 664. L. 225. – (In Rus)
- 27 Arhiv ZhK RK. F. 1. Op. 2. D. 577. L. 38. – (In Rus)
- 28 Ibid. D. 606. L. 194. – (In Rus)
- 29 Arhiv ZhK RK. F. 1. Op. 2. D. 979. L. 34. – (In Rus)
- 30 Arhiv ZhK RK. F. 1. Op. 2. D. 664. L. 246. – (In Rus)
- 31 Arhiv ZhK RK. F. 1. Op. 2. D. 1025. L. 19. – (In Rus)
- 32 Arhiv ZhK RK. F. 1. Op. 2. D. 978. L. 66. – (In Rus)
- 33 Arhiv ZhK RK. F. 1. Op. 2. D. 907. L. 7. – (In Rus)
- 34 Arhiv ZhK RK. F. 1. Op. 2. D. 1025. LL. 1–3. – (In Rus)
- 35 CGA RK. F. 115. Op. 1. D. 227. L. 25. – (In Rus)
- 36 Dosumova, G. Neizvestnye stranicy karakalpakskoj nacional'noj gosudarstvennosti [Unknown Pages of Karakalpak National Statehood]. In: I Respublikanckaya nauchno-teoreticheskaya konferenciya molodyh uchenyh i specialistov Karakalpakstana. Nukus, 1991: 114–117. – (In Rus)
- 37 CGA RK. F. 115. Op. 1. D. 227. L. 3. – (In Rus)
- 38 VII Vsekazahskaya konferenciya VKP(b). Stenograficheskij otchet [The 7th All-Kazakh Conference of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Stenographic Report]. Kzyl-Orda, 1930: 98–101. – (In Rus)
- 39 Ibid. P. 293. – (In Rus)
- 40 Arhiv ZhK RK. F. 1. Op. 2. D. 1010. L. 30. – (In Rus)
- 41 CGA RK. F. 50. Op. 1. D. 17. LL. 56–71. – (In Rus)
- 42 Arhiv ZhK RK. F. 1. Op. 3. D. 612. L. 44. – (In Rus)
- 43 Arhiv ZhK RK. F. 1. Op. 3. D. 16. L. 32. – (In Rus)